

ЧАСТЬ I

**Искусство мыслить
здорово**

Глава 1

Непредвзятый взгляд на мир

Инструментарий и компас, необходимые при поиске знаний

Суди о человеке больше по его вопросам, чем по его ответам.

ФРАНСУА-МАРИ АРУЭ
(известный как ВОЛЬТЕР)

Будь небо над нами всегда покрыто тучами, интересовали бы так же людей окружающий мир и Вселенная? Я задаю себе этот вопрос. Скорее всего, главные экзистенциальные вопросы сформулировал человек, смотревший на небо в звездную ночь. Что там есть еще? Откуда взялся я? Почему я существую? Почему вместо ничто есть что-то? Что значит быть человеком? Во что я должен верить? Как я собираюсь решить, что является моими моральными ценностями? И наконец, в чем смысл жизни?

Каждый человек заново сталкивается с этими вечными вопросам на тернистом пути от детства к взрослой жизни и продолжает размышлять о них все отведенное ему время.

Мой собственный тернистый путь

Ребенком я любил читать сказки и фантастику. Одной из моих любимых книг была “Алиса в стране чудес” Льюиса Кэрролла (1832–1898)¹. Страна чудес — это фантастическое место, где может происходить все что угодно, но Алиса — скептик. Я всегда думаю о том эпизоде, где Алиса встречается с Белой Королевой. Алиса невинно замечает: “Нельзя поверить в невозмож-

ное!”, — на что Белая Королева немедленно возражает: “Просто у тебя мало опыта. В твоём возрасте я уделяла этому полчаса каждый день! В иные дни я успевала поверить в десяток невозможностей до завтрака!”*

Когда я был маленьким, Алиса казалась мне скучной занудой. Ведь очевидно: в невозможное надо верить! Уже тогда мною двигало любопытство.

В детстве я думал, что могу передвигать вещи силой мысли. Этим я обязан израильскому фокуснику Ури Геллеру. В 1972 году Геллер появился на экранах американских телевизоров, и миллионы телезрителей увидели, как изгибаются ключи и неожиданно останавливаются часы, к которым он даже не прикасался. Ему удалось убедить многих, что он действительно обладает парапсихологическими способностями, позволяющими ему, концентрируя внимание, передвигать вещи. Но научные скептики**, в частности психолог Рэй Хайман и иллюзионист Джеймс Рэнди, сумели разоблачить трюки Геллера. Однако это не стало достоянием широкой публики, и уж, конечно, мне, ребенку, их доводы были неизвестны.

Я ясно помню Ури Геллера, и в детстве я, конечно, верил в его магическую силу. Много раз я сидел, уставившись на коробок спичек, и, напрягшись изо всех сил, пытался усилием воли сдвинуть его с места — хоть чуть-чуть, хоть на самую капелюку, хоть на миллиметр! Как я мечтал, чтобы это произошло! Возможно, мне просто хотелось почувствовать себя не совсем обычным, чем-то отличающимся от всех остальных. Почему в это я не должен верить, если я хочу верить? Но у меня так ничего и не получилось. В какой-то момент я начал подозревать, что событие не становится истинным только потому, что я хочу, чтобы оно было таковым. Сегодня я знаю, что Ури Геллер был жуликом. Он просто морочил мне голову.

* Перевод Н. М. Демуровой.

** Научные скептики — приверженцы философской позиции, согласно которой стоит подвергать сомнению любые утверждения, не имеющие эмпирических доказательств. Также научными скептиками называют сторонников общественного движения, выступающего за критическое изучение паранормальных явлений.

Когда я подросток, то начал с жадностью, одну за другой, проглатывать книги по физике и другим точным наукам. Я много читал фэнтези и научно-фантастические романы и считал трилогии “Основание” Айзека Азимова и “Властелин колец” Дж. Р. Р. Толкина шедеврами. Но постепенно я все больше узнавал о мире, и эти знания начали конкурировать с увлечением сверхъестественным. Ребенок во мне всей душой хотел верить в чудеса, парапсихологию, богов, но я неотвратимо становился все старше и старше.

Я вырос в крошечном шведском городке (на самом деле это просто деревня) Мариёфред, расположенном в 30 милях к западу от Стокгольма. Кроме обычной спортивной активности, детям там практически нечем было заняться. Но спорт — это не для меня. Я никогда в жизни не играл в футбол или хоккей. Когда мне исполнилось двенадцать, я увлекся математикой, стал просто одержим ею. Пока другие ребята играли в футбол, я сидел один в своей комнате и чертил графики на миллиметровой бумаге. Вскоре я начал писать программы для карманного калькулятора *Texas Instruments TI59*, а затем и для персонального шведского компьютера *ABC 80*. На самом деле я был одержимым занудой.

Когда мне исполнилось пятнадцать, я наткнулся на труды британского философа Бертрана Рассела (1872–1970). Сначала я прочел его мемуары, которые произвели на меня сильное впечатление. Рассел был не только философом, но и политическим активистом — он хотел воздействовать на других. Когда я был подростком, его влияние, несомненно, была решающим при выборе моего жизненного пути. В какой-то момент, прочтя книгу Рассела “Почему я не христианин” (1958), я заинтересовался философией. Это книга пробудила во мне интерес к обществу и политике. В 1950 году Рассел получил Нобелевскую премию по литературе как “один из самых блестящих представителей рационализма и гуманизма, бесстрашный борец за свободу слова и свободу мысли на Западе”².

Примерно в этом возрасте я, скрепя сердце, начал подозревать, что интеллектуально нечестно считать что-то истинным только потому, что тебе так хочется. Кроме того, я стал

осознавать, что иногда даже аморально верить чему-то без оснований на то причин. Если можно верить во все, во что только хочется, отношение к другим людям может оказаться полностью произвольным.

Я начал понимать, что человек должен уметь обосновывать то, во что он верит. У него должны быть веские основания для того, чтобы считать утверждение истинным. Так постепенно я перестал верить в чудеса и парапсихологию. Однако я до сих пор люблю показывать фокусы и по-прежнему иногда этим занимаюсь.

В моем сознании место магического мышления* заняло новое открытие: окружающий мир полон удивительных тайн. Нерешенные загадки в мире науки завораживали сильнее, чем все попытки выдать желаемое за действительное. Тайны математики, физики, химии и биологии интересовали меня гораздо больше, поскольку существовали в реальности. Они были ничуть не менее волшебными, хотя и в более абстрактном смысле этого слова.

Никогда не забуду, как я первый раз столкнулся с логическим парадоксом. Это было 1 апреля, в День смеха. Тем утром мой старший друг, любивший математику так же, как и я, сказал: “Сегодня 1 апреля! Я разыграю тебя так, как тебя еще никто не разыгрывал!” Это звучало несколько вызывающе и пугающе. Поэтому весь день я приглядывался и прислушивался ко всему, что он делал и говорил, но вроде нигде не видел подвоха. Наконец наступил вечер. Я перебирал в голове все события прошедшего дня, стараясь понять, где и когда он пытался надо мной подшутить, но не мог вспомнить ничего подозрительного. Я все вспоминал и вспоминал, а когда пришло время ложиться спать, с трудом заснул. На следующий день, встретившись с другом, я сказал ему раздраженно, что не спал всю ночь из-за того, что он нарушил свое обещание разыграть меня.

Тогда он победоносно заявил:

* Магическое мышление предполагает веру в то, что сила мысли или ряд символических действий способны изменять действительность.

— Значит, вчера ты ожидал, что я тебя разыграю?

— Да.

— Но я не разыграл тебя?

— Нет.

— Но ты поверил, что я собираюсь это сделать?

— Да.

— Ну вот, значит, я одурачил тебя, не так ли? Ты попался на удочку и поверил в то, что я сказал тебе утром!

Услышав это, я понял, что действительно до того никто меня так не разыгрывал: он просто не разыграл меня. Много лет спустя я выяснил, что он читал книгу американского философа и логика Рэймонда Смаллиана, откуда и позаимствовал этот парадокс.

Подростковый кризис привел к тому, что мне захотелось перестать быть умником и, по крайней мере в каких-то вопросах, выглядеть крутым, особенно с девочками. Я нашел выход: надо научиться играть на гитаре и организовать рок-группу. В старших классах я главным образом именно этим и занимался. В то время мы жили в небольшом, но все же чуть большем городке Стренгнес в 10 милях на северо-запад от Мариефреда. Достаточно часто, пропуская уроки, я отправлялся на пригородном поезде в Стокгольм. Увлечшись музыкой, я проводил много времени в ночных клубах.

В возрасте двадцати лет я, гитарист рок-группы, был абсолютно уверен, что буду музыкантом. Наша группа, называвшаяся *Heroes*, записала альбом. В то время, пытаясь завести контакты в музыкальном мире, я часто ездил в Лондон, где надеялся подписать контракт на запись диска. (Если в названии нашей группы вам слышится влияние Дэвида Боуи, вы не ошиблись.) Однако, в конце концов, я обнаружил, что жизнь ночных клубов Лондона и шоу-бизнес мне не по вкусу, что я теряю ориентиры. Ничего хорошего в этом не было, и спустя некоторое время я решил вернуться в Швецию.

По пути домой я случайно купил книгу Дугласа Хофштадтера “Гёдель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда”, вы-

пущенную издательством *Basic Books* в 1979 году*. Всю дорогу домой и еще несколько недель после я не мог оторваться от нее. В этой книге контрапунктом, на примере работ и биографий великих людей, рассказывалось об основах искусства, музыки, математики и философии. Она открыла мне глаза на совершенно новый мир. Именно такой я хотел бы видеть свою жизнь! Вернулось мое подростковое увлечение математикой, и я немедленно решил, что буду изучать математику, философию и вычислительную математику в Упсальском университете. И еще я понял: я хочу свести эти интересующее меня вещи воедино, а музыка должна остаться только увлечением, просто хобби. И действительно, после прочтения книги Хофштадтера становится понятно, что быть умником тоже достаточно просто.

Сегодня я должен признать, что, умничая, временами мог и перегнуть палку, но я невероятно благодарен за те инструменты мышления, которыми я овладел, учась в университете. (Можете оценить мое утверждение “умничая, временами я мог и перегнуть палку” по вашей реакции на утверждение: “В мире есть десять типов людей: те, кто знает двоичную систему счисления, и те, кто не знает”. Если вы засмеялись — определенно, вы умник.)

Быть непредвзятым

Самое интересное путешествие, которое может предпринять человек, — это путешествие за знаниями и сущностными смыслами, на поиск которых его толкают любознательность и чувство прекрасного. В этом путешествии самое удивительное то, что чем дальше ты продвигаешься, тем больше обнаруживаешь того, что еще предстоит выяснить. Чем больше ты понял, тем яснее осознаешь, как мало из того, что принципиально возможно понять, в настоящее время понято.

* В 1980 году эта книга Хофштадтера получила Пулитцеровскую премию.

К такому путешествию надо хорошо подготовиться, правильно сложить рюкзак. Потребуется специальное оборудование, чтобы не попадать в ловушки и не сбиваться с пути, но больше всего нужен компас, указывающий правильное направление. Эта книга про те инструменты, которые должны быть в рюкзаке. А еще мы попытаемся снабдить читателей компасом, который, надемся, им поможет. Кроме того, в книге пойдет речь о западнях и тупиках, в которых так легко оказаться.

Один из важных инструментов — непредвзятость. Люди должны быть восприимчивы. Но что на самом деле означает “быть восприимчивым”? Я много дискутировал на эту тему с разными людьми и знаю, что часто понятие “восприимчивость” интерпретируется неправильно. Так что позвольте мне привести пример.

Вы с приятелем смотрите по телевизору передачу о доме, где якобы водятся привидения. В шоу участвует медиум, устраивающий спиритический сеанс, во время которого он, по его словам, говорит с умершими — с людьми, перешедшими на “другую сторону”. После окончания программы вы ее обсуждаете. Ваш друг настаивает, что привидения и духи умерших людей действительно существуют и что есть люди, умеющие с ними общаться.

Вы отвечаете, что не верите в существование привидений и духов и что так называемые медиумы — или шарлатаны, или сами себя обманывают. На что ваш друг заявляет: “Да брось! Тебе следует мыслить шире! Не будь таким зашоренным! Просто постарайся отнестись непредвзято к вопросу о существовании привидений”.

Как часто в такой момент я не мог сдержаться! Иногда это происходило на телевизионных дебатах, иногда во время обычной дружеской болтовни. Но есть что-то странное в подобных разговорах. Кто из вас двоих менее предвзят? Можете ли вы ответить на этот вопрос, исходя только из того, во что верит каждый из нас? Ведь степень объективности

не должна определяться тем, во что человек верит, не так ли? Не следует ли, наоборот, считать мерой непредвзятости готовность изменить свое мнение на основании новых фактов и свидетельств?

Конечно, скептик, настаивающий на том, что духов нет, может оказаться более предвзятым. Такой человек будет упрямо твердить: “Я никогда, ни в коем случае не поверю в духов, даже если своими глазами увижу их среди бела дня!” Это явно достаточно односторонняя позиция. Но ведь скептики могут изменить свое мнение и начать верить в беседы с умершими, если однажды будет доказано, что человеческие души продолжают существовать в потустороннем мире после смерти и что с духами можно устанавливать каналы связи.

Однако может оказаться, что более предвзятым является человек, уверенный в существовании духов. Просто представьте, что кто-то говорит: “Однажды я стал свидетелем одного очень странного происшествия. Я никогда не поверю, что есть научное объяснение тому, что я видел. Я всегда буду верить в духов!” В таком случае вы резонно можете сказать, что этот человек слишком догматичен, а это противоположно непредвзятости.

Предположим, мы с приятелем обсуждаем возможность существования жизни на других планетах. Я считаю, что жизнь на других планетах есть, а мой приятель объявляет это глупостью. Кто из нас менее предвзят? Ясно, что ответить на этот вопрос, основываясь на мнении каждого из нас, невозможно.

Давайте рассмотрим другой пример. Предположим, у меня на коленях закрытый маленький черный ящик, и я говорю своим двум друзьям, Адаму и Еве: “Как вы думаете, в этом ящике есть яблоко? Попробуйте просто угадать, исходя из вашей интуиции и здравого смысла... Ну, так как вы думаете, есть там яблоко?”

Адам клянется, что он уверен, что яблоко в ящике есть, тогда как Ева убеждена, что ящик пустой. Зная только то, что один верит, что яблоко есть, а другой — что его там нет, нельзя решить, кто из них менее предвзят. Суммируем: степень не-

предвзятости определяется не тем, во что человек верит, а тем, насколько он готов изменить свое мнение, когда появляются новые данные и факты.

Однако сегодня часто сталкиваешься с людьми, утверждающими, что если человек *A* верит в духов, летающие тарелки и похищения инопланетянами, то он, ясное дело, менее предвзят, чем человек *B*, скептически относящийся к подобным вещам. Что скрывается за такой точкой зрения? Неужели лавры за непредвзятость достаются только потому, что человек верит в неправдоподобные, безумные идеи? Конечно, это бессмысленно.

Давайте проведем еще один мысленный эксперимент, отчетливо показывающий, что, выясняя степень непредвзятости, нельзя ориентироваться только на чьи-то убеждения. В современной Европе много людей, придерживающихся ультраправых позиций. Доходит до того, что некоторые из них отрицают, что во время Второй мировой войны имел место холокост. Это абсолютно недостоверная точка зрения. Но должны ли мы сказать, что в сравнении с нами эти люди менее предвзяты лишь потому, что они верят в это, тогда как мы, наивные простачки, убеждены, что холокост действительно был? Нет: подобное рассуждение не просто неправильно, оно абсолютно лишено здравого смысла.

Насколько непредвзяты люди, которые твердо настаивают на том, что нога человека никогда не ступала на Луну и что предполагаемая высадка — обман, фильм, снятый в Голливуде? Эту позицию вряд ли можно считать менее предвзятой, чем уверенность в том, что человек на Луне действительно был.

Такая черта, как открытость, во многом сродни любопытству. Быть непредвзятым — значит относиться с вниманием к происходящему, быть всегда готовым пересмотреть свои ценностные предпочтения и гипотезы в свете новых фактов или представлений.